

Подписной индекс по каталогу
РОСПЕЧАТИ – 54242

СИБИРСКИЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 20

Томск
2004

СРЕДОВОЙ ПОДХОД В ПСИХОЛОГИИ И ЕГО РОЛЬ В ФОРМИРОВАНИИ ТОЛЕРАНТНЫХ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРОСТРАНСТВ

Л.В. Шабанов (Томск)

Аннотация. Представленная работа посвящена анализу средового подхода в психологии. Рассматриваются методологический аспект и возможные ограничения методического обеспечения исследовательской работы в направлении создания ментальных карт г. Томска с целью выявления экологических и интолерантных пространств.

Ключевые слова: ментальная карта, средовая психология, искусственная среда.

Для понимания особенностей формирования и динамики толерантных качеств сознания общности людей, существующих в конкретных и специфических условиях или среде обитания, необходимо достаточно развернутое знание психологии восприятия самых различных средовых факторов и их взаимосвязи. Это направление в последнее время интенсивно развивается в так называемой средовой психологии.

На протяжении последних нескольких лет многие работы социальных психологов посвящены городской жизни [4; 7; 12–14], выявлению тех неуловимых черт, которые отличают Санкт-Петербург и Пермь, Самару и Симферополь, наше исследование посвящено созданию ментальной карты города Томска. В связи с этим необходимо строить обобщения на основе анализа многочисленных частных случаев; пытаться установить, не стоит ли за частными случаями общая закономерность; пробовать обнаружить глубинные связи бесчисленных явлений, лежащих на поверхности жизни того или иного города. Это не столько исследование города Томска как некой географической реальности, расположенной в некотором топографическом пространстве, сколько отображение реального города в сознании его жителей. И первое наблюдение заключается в том, что реальность и ее отражение плохо стыкуются между собой. В нашей работе используются методы, представленные в «Парижском» и «Нью-Йоркском» исследованиях С. Милгрэма, теоретическое исследование К. Линча «Образ города», работы Г.В. Аكوпова, а также материалы серии конференций «Провинциальная ментальность России в прошлом, настоящем и будущем», проходивших в Самаре (1994, 1997, 1999), и работы по тематике «Городская ментальность» под руководством Т.В. Ивановой. Пилотажный вариант нашей работы по созданию ментальной карты города является частью подготовки проекта комплексной программы исследования, которую планируется подать как принципиально новый способ снятия и обработки информации с целью выявления проблем на материалах ментальных карт. На наш взгляд, очень важен факт многомерности подобных карт, они содержат как когнитивные, так и эмоциональные, интуитивные компоненты, и для их выявления необходимо прибегать к различным методикам исследования. Эти карты являются не только продуктом умственной деятельности отдельных людей; они создаются также и социальными факторами и поэтому приобретают статус кол-

лективных представлений, символически сочетающих верования и знания, которые культивируются и распространяются благодаря культуре. Образно говоря, от ментальной карты города к ментальной карте личности.

Однако если говорить о презентации некоего нестандартного метода исследовательской работы, то мы столкнемся с тем фактом, что объяснить механизмы взаимодействия человека и среды нельзя, не объяснив, как формируется целостный образ, как возникает целостное впечатление от среды, если наши органы чувств дают нам сигналы от рецепторов в разной модальности. Уже Б.Г. Ананьев [2] в своем труде «Сенсорно-перцептивная организация человека» дал подробный исторический анализ развития идей, объясняющих «целостность чувственного отражения человеком объективной действительности».

Сначала были поиски соответствующих новых рецепторных систем. В конце XIX в. вдобавок к пяти органам чувств, описанных еще Аристотелем, были открыты вестибулярные, кинестетические и синестетические системы. В XX в. поиск новых рецепторных систем с успехом продолжился, были открыты сенсорные реакции на изменение температуры, влажности, химического состава среды обитания, на воздействие вибраций и световых лучей разного спектра.

Затем создавалась классификация сенсорных систем, объясняющая целостность перцептивной организации. Шеррингтон ввел понятие рецепторных полей и выделил 3 вида полей – экстероцептивные, проприоцептивные и интероцептивные.

Идея ассоциаций ощущений (временных связей) была разработана И.М. Сеченовым и в дальнейшем успешно развивалась в исследованиях отечественных ученых И.П. Павлова, В.М. Бехтерева, Б.Г. Ананьева и др. [1].

Классификация, предложенная Е.Н. Соколовым, делила все межанализаторные связи на две большие группы – активирующие и информирующие. Любое ощущение включает оба компонента – и сигнальный (информирующий), и подкрепляющий (активирующий), которые связаны между собой благодаря механизму ассоциаций.

Проблема целостности стала основной для гештальт-психологов (теория поля К. Левина). Согласно их воззрениям, кора головного мозга представляет собой субстрат, в котором возникают физические поля (пространственное распределение электрической активности), изоморфные физическому полю воспринимаемых

объектов. То есть анализатором является сам субстрат коры головного мозга.

Дж. Гибсон говорит о наличии двух зрительных систем: 1) зрительного поля наблюдателя – оно связано с развитием культуры и формированием установки наблюдателя; 2) зрительного мира с установкой человека на действие. Следовательно, появляются два новых очень интересных момента: первый момент – идея наличия непосредственной связи человек – среда, когда причиной действия могут быть не анализаторные системы, а резонанс с предметным миром, второй – признание наличия двух систем: непосредственного резонанса и опосредованного наблюдения.

Интересны с точки зрения средовой психологии эксперименты С. Ваппера и Х. Вернера (1952, 1957, 1965, 1967, 1975), создавших теорию, которая рассматривает особенности восприятия человеком окружающего мира как определенную форму и результат культурно-исторического развития.

Для первобытного человека характерно синкретичное восприятие: он не отделяет себя от среды, тела от объекта. *То есть видимый объект вызывает у субъекта эмоции и импульс к действию, которые он не отделяет от объекта. Древний человек приписывает окружающему миру эмоции, мысли и двигательные реакции, свойственные ему самому.*

По мере развития человечества способность к дифференциации субъекта от объекта возрастает. Человек начинает отделять себя от окружающего мира, увеличивается разрыв между «Я» и миром, меняется атрибуция эмоций, мыслей. *Но при измененных состояниях психики, под действием наркотиков, в патологии происходит возврат к слитному восприятию. В частности, в некоторых случаях шизофрении границы между окружающим миром и субъектом размыты. Собственный страх человека порождает искаженное видение угрожающих ему объектов*

Человек находится в постоянном взаимодействии с внешними стимулами, создающими в нем определенный тонус – внутреннее витальное чувство.

В процессе развития культуры происходит утрата непосредственного значения. Развитие письменности, фиксирующей накопленный опыт, приводит к появлению критичности, возможности инакомыслия, разных способов понимания.

Обобщая, можно сказать, что исследователи ввели новый вид рецепции – витальное чувство, базовую, с их точки зрения, рецепторную систему, которая является более древней по отношению к другим рецепторным системам и определяет целостность чувственного образа.

Концептуальные принципы Антонио Менегетти, разработанные им в рамках онтопсихологического подхода, рассматривают образы, как реальные, так и воображаемые, с точки зрения носителей скрытого смысла. Согласно онтопсихологии все объекты, живые и не живые, являются носителями информационных программ.

Последние взаимодействуют между собой и могут оказывать как положительное, так и негативное влияние, а семантика образа напрямую связана с биологической полезностью для организма, из чего следует что сама среда также обладает определенной семантикой и человек, находясь в ней, оказывается под воздействием семантического поля.

Для уточнения исследовательского поля, нам необходимо также дать определение термину «среда». Н. Теймур (1982) в своей монографии привел порядка 40 определений понятия среды, в которых подчеркиваются те или иные аспекты проблемы. Все определения можно свести к следующим:

– среда – это мы; «все люди строят, создают, моделируют формы среды: мы и есть среда» (Р. Соммер);

– среда – это то, что нас окружает, т.е. все, что не мы; условия, которые влияют на нас;

– среда – это некоторое соотношение между нами и окружением; «термин “среда” включает два момента: во-первых, это набор феноменов, фактов и вещей, во-вторых, это то, что мы переживаем. Среда, с одной стороны, – это физические факты, с другой – система человеческого опыта» (Б. Хиллер);

– среда – это элемент сверхсистемы; «среда – открытая система, связанная с сверхсистемой. Между ними существует обмен материей, энергией и информацией» (Вильден).

Другой вариант определений среды был дан Д. Уотсоном, который выделял пять классов определений, данных среде: среда как процесс; среда как поле активности человека; среда как поле семантики; среда как ресурс; среда как способ стратификации общества.

Кроме того, исследователи в области средовой психологии придерживаются различных взглядов на причинно-следственные отношения. Р. Баркер (1968), основоположник школы экологической психологии, придерживается взглядов жесткого детерминизма. Ч. Меркер (1975) утверждает: «Поведение само по себе не может быть определено вне контекста среды». Когнитивисты предпочитают обращать внимание на внутренние условия или прошлый опыт человека, который определяет способ реагирования.

Нам необходимо также отметить и тот факт, что долгое время средовые вопросы в психологии не имели бытовой практической ценности. Однако после Второй мировой войны в мире стала господствовать идеология функционального минимального жилья, исходя из повышенной потребности в жилье в пострадавшей от войны Европе, индустриализации самого строительного процесса, диктующего унификацию архитектурных форм («Чем функциональнее постройка – тем красивее». Баухауз). Привлекательным для проектировщиков было и то, что дом, возведенный индустриальным способом из одинаковых блоков, как нельзя лучше воплощал идею социальной справедливости, по нему нельзя было судить о доходах семьи – индустриальная технология всех уравнивала.

Разочарование наступило довольно быстро. Новые постройки не пользовались популярностью у большей части населения страны. Даже в СССР обратили внимание на непопулярность «нового жилья». Изменения были продиктованы соответствующими постановлениями ЦК КПСС и Совета Министров СССР. В постановлении 1954 г. говорилось о развитии производства железобетонных конструкций и деталей для строительства. Следующий шаг – август 1955 г. – постановление «О мерах по дальнейшей индустриализации, улучшению качества и снижению стоимости строительства». Постановление 1955 г. об устранении излишеств в проектировании и строительстве прекратило существование сталинского brutalного классицизма, вместо которого появились «хрущобы». Задачей постановления 1957 г. было увеличение объемов и снижение стоимости строительства, что привело к массовому индустриальному строительству. Тем не менее стилистика и архитектурная компоновка ассоциировали спальные районы с гетто. Население с немотивированной ненавистью продолжало разрушать собственные жилища. В США пришлось даже взорвать два новых здания, которые после недолгой эксплуатации превратились в грязные, заваленные мусором, оскверненные неприличными надписями, с разбитыми лестничными проемами сооружения. Книга Кевина Линча «Образ города» [8], пронизанная ностальгией по старым районам, впервые опубликованная в США в 1960 г., была многократно переиздана и переведена на десятки языков мира. Автор убеждал читателя, что город прежде всего существует для человека, это его коллективная память, через материальную культуру с ней человек включается в поток времени, связующий прошлое и настоящее. Следующий шаг был сделан Джейн Джекобе. В 1961 г. вышла ее работа «Смерть и жизнь больших американских городов», где она до основания разрушила миф о превосходстве новых районов. Внимание архитекторов теперь было обращено на среду, появилось так называемое средовое проектирование. Технологическая революция, навязавшая свои архитектурные формы, сняла повязку с глаз градостроителей, и вдруг стало ясно, что мы не понимаем, какую роль играет среда в жизни человека.

В СССР в мае 1969 г. появилось постановление Совета Министров, в котором речь шла о мерах по улучшению качества жилищно-гражданского строительства. Оно означало поворот к новой парадигме в проектировании, появились улучшенные планировки квартир и первые попытки проектирования жилой среды кварталов. Собственные попытки проектировщиков найти выход из ситуации первоначально были направлены на создание новых решений планировки жилой среды кварталов новой застройки. Рядная застройка, когда здания выстраивались параллельно друг другу, была заменена сначала на хаотически разбросанную в пространстве квартала планировку. Возвращение к дворовому пространству, когда двор образуется плоскостями жилых

зданий, давало надежду на то, что возникновение на территории дворов сообществ жителей изменит отношение людей к жилью.

Во второй половине 60-х гг. в классической психологии появились новые веяния (работа Э. Холла «Молчаливый язык» (1970) об организации пространственного поведения людей; понятие «пространственного пузыря» – окружающего человека пространства, вторжение в которое он никого не допускает – Роберта Соммера (1960, 1968, 1972); серия исследований по проксемике А. Пиза (1969, 1973)). Неспособность классической психологии дать удовлетворительное объяснение таким психическим феноменам, как опережающее восприятие значения признаков, наличие различий в индивидуальных образах, несмотря на то что субъекты воспринимают одну и ту же реальность, константность восприятия, обобщенность, побудила психологов перейти к эквалидным исследованиям, т.е. исследованиям реального человека в реальном мире (Роджер Баркер, 1968). Баркер считал, что единственно правильный способ изучения человека – наблюдение за его поведением в естественных условиях, что реализация человека в большой степени детерминирована условиями среды.

Следует отметить очень интересную попытку преодолеть унылость и предсказуемость прямоугольного пространства, сделанную при проектировании жилого района Ыйсмья в Эстонии. Вместе с архитекторами в работе участвовала группа средовых психологов – Р. Соммер, М. Хейдметс, Т. Нийт. Плоскости домов были слегка искривлены, и пространство двора создавало ощущение индивидуальности и уникальности, несмотря на то, что сами здания были стандартны. Дальнейший шаг – возвращение к сомасштабному человеку строительству – небольшие двухэтажные здания, образующие по периметру пространство двора.

Появились собственно исследовательские работы архитекторов в пограничной области между психологией и проектированием. Средовую парадигму в архитектурном проектировании представляет В.Л. Глазачев [4]. Такой важный интегрирующий фактор реакции на среду, как эмоции, всесторонне рассмотрен в монографии «Архитектура и эмоциональный мир человека» (Г.Б. Забельшанский, Г.Б. Минервин, А.Г. Раппапорт, Г.Ю. Сомов, 1985). Авторы ставят вопрос о необходимости разделять при изучении эмоциональных реакций человека эмоциональное воздействие архитектуры, культурную интерпретацию и художественную оценку произведений зодчества. Работа «Архитектура и психология» А.В. Степанова, Г.И. Ивановой и Н.Н. Нечаева (1993) интересна изложением полезных, с точки зрения архитекторов, психологических знаний.

Средовая психология, оформившаяся в 70-е гг. благодаря усилиям американских психологов В. Иттельсона, Х. Прошански, Л. Ривлина, Дж. Винкеля, С. Милграма и др., стала рассматривать человека и среду как единую систему взаимодействия. Если во всех преды-

душих теориях объекты и предметный мир рассматривались как объекты вне человека, то в средовой психологии человек и среда испытывают воздействие одного и того же общего поля, более того, человек уже давно живет в искусственной, им же созданной среде, которая уже поэтому несет в себе его способ восприятия мира и действия, его мотивы и ценности, т.е. среда «одухотворена человеком».

Уно Найссер (1967) в работе, посвященной психологии познания, предложил рассматривать любой процесс как форму активности, разворачивающейся во времени. Сама активность управляется схемами. Восприятие, с точки зрения У. Найссера, есть действие, которое управляется схемами, направляющими исследовательскую активность. Схемы не даются субъекту изначально, они возникают в процессе перцептивного научения. В реальном мире нет чистого единичного процесса восприятия, а есть целостная реакция организма на средовые воздействия, учитывающая прошлый опыт субъекта. Новое направление получило название когнитивной психологии. Кевин Линч [8] представил когнитивные схемы, которые создает человек в реальном взаимодействии с городской средой.

Как в зарубежных, так и в отечественных работах по психологии стали использоваться понятия, соединяющие несколько до этого аналитически разъединенных процессов – когнитивная психология, психология познания, психология субъективной семантики [5; 6; 11]. Так была подготовлена теоретическая база для возникновения средовой психологии. Вновь приобрели актуальность подзабытые работы Б.Г. Ананьева [2] о сенсомоторном единстве человека. Обращение психологов к среде послужило толчком к развитию новых теорий восприятия, в частности экологической оптики Дж. Гибсона (1988). В 1974 г. появились две первые монографии по средовой психологии В. Иттельсона и А. Мехрабиана.

Основные темы, рассматриваемые в рамках средовой психологии:

- восприятие среды;
- когнитивные представления о среде;
- территориальное поведение;
- языки описания среды;
- эстетика среды;
- ценности и качество среды;
- стрессовые факторы среды;
- экологическая психология;
- человеческие сообщества и среда;
- жилище и человек;
- конфликты в среде;
- глубинная экология – занимается защитой природной среды, рассматривает человека как часть среды.

В декабре 1996 г. была проведена первая российская конференция по экологической психологии. Основные обсуждаемые проблемы были связаны с ролью образования в формировании экологического сознания. Подводя итог, можно отметить, что все рассмотренные

нами теории позволяют говорить о некоторых тенденциях в развитии представлений о целостности чувственного мира человека:

Во-первых, можно говорить о выявлении поля как фактора, формирующего систему «субъект – объект».

Во-вторых, можно говорить не только об известных и описанных в физике полях, свойственных человеку, но и о полях, к изучению которых физики еще только пытаются подойти и которые еще не имеют общепринятых наименований (пси-поля или информационные поля).

В-третьих, сама искусственная среда является носителем не только физических полей, но и той семантики, которую внес в нее человек.

В-четвертых, рассматриваются две системы полей: поля взаимодействия, возникающие между субъектами или субъектом и объектами, и общее поле, под влиянием которого находятся и субъект, и объект одновременно.

В-пятых, в ряде исследований допускается наличие двух систем восприятия – в основе одной лежат материальный субстрат рецепторных систем и физиологические механизмы восприятия, материальным субстратом другой системы является физическое тело субъекта, и работает она в соответствии с законами физики.

Мы можем провести систематизацию существующих сегодня полных или частичных описаний методов исследования воздействия среды по работам В.Х. Иттельсона (1969), К.Х. Крейка (1968), Д. Стокзла (1978), Д. Кантора (1974), С. Милграм (1978, 1983), исходя из двух аспектов: способа представления среды и способа фиксации ответа.

Способы представления среды:

1) человек находится непосредственно в окружении изучаемой среды, в восприятии участвуют все органы чувств. Ограниченность данного метода связана с тем, что он не позволяет выделить факторы среды, которые оказывают доминирующее влияние на целостную реакцию организма (ветер, запахи, температура, сама форма пространства или эстетическое решение материальных объектов);

2) киносъемка, слайды, фотографии. Данные способы представления в некоторой степени ограничивают полноту воздействующих средовых факторов, но сами факторы в этом случае можно выбирать в соответствии с поставленной исследовательской задачей;

3) рисунки, модели, схемы. Позволяют устранить артефакты, но утрачивается чувственная ткань среды;

4) тахистоскопическое предъявление позволяет выделить существенные для человека средовые факторы;

5) вербальное описание характеристик среды;

6) представление по памяти.

Методы регистрации реакций:

1) метод наблюдения. В некоторых исследованиях составлены специальные карты для регистрации поведенческой активности и списки категорий наблюдения (Р. Баркер);

- 2) построение когнитивных и ментальных карт среды;
- 3) свободное описание среды позволяет выделить существенные для личности средовые стимулы;
- 4) списки оценочных прилагательных, в том числе семантический дифференциал;
- 5) списки настроений и поведенческой активности;
- 6) набор утверждений о средовых ситуациях;
- 7) аналоги проективных тестов;
- 8) символические эквиваленты;
- 9) кросс-модальные эквиваленты;
- 10) регистрация времени рассмотрения стимула.

Какова же практическая составляющая данного эко-средового знания, или, иными словами, что нового может дать средовой подход в психологии?

Во-первых, средовой подход возвращает психологию к реальному человеку в реальном мире, интегрированно изучая весь его опыт взаимодействия с окружающим миром. Тем более что наше актуальное восприятие во многом детерминировано прошлым опытом взаимодействия со средой, или виртуальным миром, который формирует способ видения мира и во многом зависит от окружающего нас культурного пространства.

Во-вторых, он позволяет преодолеть антропоцентрический подход, который отрывает человека от его окружения. Эксперименты по сенсорной депривации, в которых человека лишали возможности воспринимать стимулы окружающей среды, показывают, что психика практически не может существовать без внешнего стимулирования (Н. Миллер, 1967). Средовая психология рассматривает человека в единстве со средой, как продукт среды, и позволяет по-новому увидеть психичес-

кие процессы и организацию обмена информацией между человеком и средой.

В-третьих, одной из насущных проблем человечества является проблема искусственной среды, т.е. проблема роли самого человеческого фактора с точки зрения выживания человека как вида. Примитивный человек был неотрывно связан с природой, был ее частью, он энергетически и информационно зависел от нее. Искусственная среда, которая первоначально создавалась рукотворно, самим человеком, несла след его индивидуальности, неповторимости, его переживаний, постепенно превращается в серийный, унифицированный, мертвый мир [9; 10].

В-четвертых, средовая психология напрямую ставит вопрос о поле взаимодействия человек – окружающий мир. Невозможно отрицать сам факт того, что человек является физическим телом с соответствующими гравитационными, электрическими, магнитными, вибрационными полями, так или иначе взаимодействующими с полями окружающего физического мира (резонанс полей человека и среды, по Дж. Гибсону).

В-пятых, современные высокие технологии, используемые человеком, создают угрозу экологической катастрофы, предотвратить которую можно, только сформировав в обществе представление об экологической этике, создав систему просвещения, включающую в том числе и понятие ответственности за использование непроверенных технологий.

Учет всех рассмотренных аспектов позволит более дифференцированно представлять и прогнозировать динамику развития толерантных качеств и взаимоотношений конкретной общности людей.

Литература

1. Аюпов Г.В. Российское сознание: историко-психологические очерки. Самара: СамГПУ, 1999.
2. Ананьев Б.И. Сенсорно-перцептивная организация человека // О проблемах современного человекознания. М.: Наука, 1977. С. 49–148.
3. Виноградов П.Н., Кириллов П.Н. Экологические ориентации как категории экологической психологии // Ежегодник Всероссийского психологического общества. Материалы III Всероссийского съезда психологов, 25–28 июня 2003 г. СПб., 2003.
4. Глазачев В.Л. Поэтика городской среды // Эстетическая выразительность города. М.: Наука, 1986. С. 130–156.
5. Дерябо С.Д. Природный проект как «значимый другой». Даугавпилс, 1985.
6. Калмыков А.А. Введение в экологическую психологию. М.: МНЭПУ, 1999.
7. Лелеко В.Д. Эстетика повседневности. СПб., 1993.
8. Линч К. Образ города. М.: Стройиздат, 1982.
9. Милграм С. Эксперимент в социальной психологии. СПб.: Питер, 2000.
10. Ситаров В.А., Пустовойтов В.В. Социальная экология. М., 2000.
11. Соловьева Е.А. Психосемiotические аспекты средовой психологии // Ежегодник Всероссийского психологического общества: Материалы III Всероссийского съезда психологов, 25–28 июня 2003 г. СПб., 2003.
12. Штейнбах Х.Э. Средовой подход и проблемы психологии // Психолого-педагогические проблемы развития личности: Тезисы докладов межвузовской научной конференции. Санкт-Петербург. 18–20 мая 1999 г. СПб., 1999.
13. Штейнбах Х.Э. Экологическое сознание // Образование и молодежная политика России: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, 26–28 сентября 2002 г. СПб., 2002. С. 298–301.
14. Штейнбах Х.Э., Еленский В.И. Психология жизненного пространства. СПб.: Речь, 2004.

ENVIRONMENTAL APPROACH IN PSYCHOLOGY AND ITS ROLE IN THE FORMATION OF TOLERANT ECOLOGICAL AREAS
L.V. Shabanow (Tomsk)

Summary. The work presented is devoted to the analysis of the environmental approach in psychology. The work includes a consideration of the methodological aspect and possible limitations of the methodical provision of the research in the direction of making up mental maps of the city of Tomsk with the aim of detecting ecological and tolerant areas.

Key words: a mental map, psychology of human space, the artificial environment.